

Марксизм и «политическая экономия потребительной стоимости»

В.К. Дяченко кандидат философских наук

1. Заявка на политическую экономию социализма

В советской экономической литературе никогда не прекращалась борьба между сторонниками и противниками товарного производства при социализме. И те и другие ссылались на марксову теорию товара, на «Капитал» в целом. В данной статье критическому анализу подвергается одна из антитоварных концепций, которую ее творцы называют «политической экономией потребительной стоимости». Прежде всего, рассмотрим заявку с их стороны на создание политической экономии социализма. Пожалуй, наиболее четко выразили ее философы Р.И.Косолапов и И.Б.Хлебников.

Уважаемые философы констатируют: «Раньше недогматически мыслящие марксисты, оказавшиеся, к сожалению, в меньшинстве, вновь и вновь поднимали вопрос о потребительной стоимости главным образом в связи с целесообразностью замены экономики стихийной товарной конкуренции экономикой научного планирования производства, нужных обществу материальных и духовных благ».1). Исходную теоретическую позицию рассматриваемой школы они выражают так: «Маркс фактически предполагал, что продукт труда не может утратить свойство потребительной стоимости, в то время как свойство стоимости, как и судьба товара, носит исторически преходящий характер».2). Правильно. Но для объективного представления позиции Маркса следует учесть его положение: «Потребительные стоимости товаров составляют предмет особой дисциплины – товароведения» 3), но не политэкономии. Таким образом можно констатировать, что уже в исходном пункте анализируемой теории проявляется непонимание марксовской теории товара, о чем подробно речь будет ниже.

На основе некорректного истолкования учения Маркса о свойствах товара родилось противопоставление капиталистического и социалистического способов производства как «экономики стоимости» и «экономики потребительной стоимости». Сторонники данного подхода не учитывают принципиальной разницы между категориями «стоимость» и «прибавочная стоимость». Поэтому необходимость отказа от капиталистической экономики, ориентирующейся на прибавочную стоимость, и от «стоимости», как феномена товарного производства, осознается ими как потребность в отказе от научного определения понятия стоимости и, следовательно, от марксовской трудовой теории стоимости - исходного пункта научного понимания современного производства во всех его общественных формах. Р.И.Косолапов и И.Б.Хлебников категорически заявляют: «Настал период, когда общество должно смело отказаться от «политической экономии стоимости» и перейти к «политической экономии потребительной стоимости»» 4), или, что то же, от политэкономии абстрактного труда к «политэкономии конкретного, труда».5). Правда, Р.И.Косолапов и И.Б.Хлебников оговариваются, что переход к новой

политэкономии «отнюдь не отбрасывает научную теорию стоимости»б), что последняя, «будучи по существу политической экономией абстрактного труда», остается теорией капиталистического способа производства и научной основой замены его социализмом.7). Таким образом, «недогматически мыслящие марксисты», выдвинув требование «решительно вырваться из пут традиционного толкования классического марксизма»8), т.е. официальной идеологии КПСС, и выставив задачу поставить в центр всей экономической теории и практики потребительную стоимость, по сути провозгласили отказ от признания экономического учения Маркса теоретико-методологической основой создания политэкономии социалистического способа производства. По их мнению, возникла «необходимость в овладении понятием «потребительная стоимость», столь же всестороннем, сколь всесторонне благодаря Марксу мы владеем понятием «стоимость»».9)Мы попытаемся выяснить, как сторонники «политэкономии потребительной стоимости» понимают марксову теорию товара, владеют трудовой теорией стоимости, определяют понятие потребительной стоимости, формулируют основной закон социалистического производства и в каком направлении двигаются от «традиционного толкования марксизма» - к подлинному марксизму или же к еще более грубому его искажению.

2. Философские основы «политэкономии потребительной стоимости»

Метод разработки понятия «потребительная стоимость». Философское обоснование новой политической экономии в общем виде мы находим в уже цитированной нами работе Р.И.Косолапова и И.Б.Хлебникова. Прежде всего ставится вопрос о методе разработки ее центрального понятия. «Диалектика подсказывает, - пишут они, - что для овладения понятием «потребительная стоимость» нет другого приема, кроме как абстрагироваться от стоимости при рассмотрении производства и его истории». 10). С точки зрения диалектики прием этот состоит в метафизическом разрыве противоречия, отбрасывании «дурной стороны» производства и его истории - его товарной формы и сохранении «хорошей стороны» - общественного богатства; с точки зрения логики истории и ее отражения в науке это означает «закрытие» товарного (простого и капиталистического) производства, выбрасывание вместе с ним, как увидим ниже, ряда общих экономических законов и, следовательно, научного познания производства, замену науки очередной антитоварной утопией. Конкретизируем нашу характеристику «приема» путем его сопоставления с научным методом открытия стоимости.

Метод открытия стоимости в «Капитале». Там тоже речь идет об абстрагировании. Но кто и от чего абстрагируется? С позиции материалистической диалектики Маркс исследует метод абстракции, которым пользуются все без исключения товаропроизводители в актах приравнивания товаров друг к другу в процессе обмена. Именно они отвлекаются (абстрагируются) от всех физических и иных свойств товаров как потребительных стоимостей и сводят к одному общему им всем свойству - воплощенному в них общественно необходимому труду. Последний является субстанцией стоимости. Это во-первых. Во-вторых, Маркс исследует гносеологический механизм приравнивания товаров,

действующий в головах участников обмена. Объясняет, как возникший в голове каждого из них (и именно для него) образ стоимости (равенства товаров) выражается в образе натуральной формы (потребительной стоимости) товара-эквивалента. Это вещное (в форме вещи) выражение образа стоимости в голове каждого товаровладельца, следовательно, в их общественном сознании и есть товарная «стоимость».

Специфическое единство материального и идеального в товарном производственном отношении (в товаре) Маркс характеризует понятием «товарный фетишизм». Совсем иначе выражается внутренняя сторона (сущность) товара в голове теоретика (автора «Капитала») и тех читателей, кто поднялся до адекватного понимания теории товара, - в научной абстракции, в понятии стоимости, являющемся продуктом научно-теоретического мышления.

Ближайшей методологической основой разгадки тайны стоимости является диалектика общего и особенного в товарном производстве. Раскрыв эту диалектику, Маркс развел «стоимость» как определенный феномен товарного производства, сплав материального (существующего вне сознания товаропроизводителей и отражающегося в нем) и идеального (существующих в их головах образов, представлений), - с одной стороны, и понятием стоимости - с другой. По К.Марксу, Ф.Энгельсу и В.И.Ленину, «стоимость» (особенное) при социализме исчезает, а определения стоимости (общее) остаются.

Этот аспект теории товара еще не стал достоянием хотя бы узкого круга марксистских философов и экономистов. Можно ли поэтому удивляться, что некоторые экономисты и философы, отстаивающие марксистский тезис о несовместимости социализма с товарным производством, но не понявшие диалектики особенного и общего в товаре и не умеющие провести гносеологическое различие между «стоимостью» и определениями стоимости, пошли по пути абстрагирования потребительной стоимости от стоимости. В марксовской теории товара исследуется абстрагирование, всех участников товарного производства, в предлагаемой «политэкономии потребительной стоимости» абстрагируются только ее творцы. Результатом первого, исследуемого К.Марксом, абстрагирования является всеобщее фетишистское восприятие продуктов труда и производственных отношений, которое и объясняется в «Капитале». Результатом второго - выбрасывание за борт определения стоимости и, следовательно, ряда общих экономических законов. Во втором случае товарный фетишизм не преодолевается. Он в качестве «черной дыры» наличествует во всех последующих рассуждениях «недогматически мыслящих марксистов» и втягивает их в бездну мистики.

Политическая экономия без экономических отношений. Внутреннее противоречие товара (между потребительной стоимостью и стоимостью) находит объяснение в марксовом открытии более глубокой сущности товара - двойственной природы овеществленного в товаре труда: конкретного и абстрактного. На важность этого положения для понимания политэкономии указывал Маркс.11). Его дополняет Энгельс своей характеристикой каждого из видов труда: «Один из тончайших анализов у Маркса - это анализ, вскрывающий двойственный характер труда... Один есть труд определенного

рода...другой есть всеобщее свойство производительной деятельности человека...Один есть конкретный труд, другой - абстрактный труд. Один - труд в техническом смысле, другой - в экономическом»¹². Оба вида труда в их единстве образуют диалектическое противоречие производительной человеческой деятельности вообще.

Разрыв понятий потребительной стоимости и стоимости приводит творцов новой политэкономии к разрыву двух различных видов труда, заключенных в товаре и, как увидим позже, в продуктах труда вообще. Задавшись целью в отличие от марксовой якобы «политэкономии абстрактного труда» создать «политэкономия конкретного труда», они оставили за рамками экономической теории главное - труд в экономическом смысле. И оказались перед псевдозадачей: труду в техническом смысле как-то надо приписать характер, статус труда в экономическом смысле. И тем самым вступили в область социального мифотворчества.

В советской экономической литературе десятилетиями длился спор по вопросу о том, с чего надо начинать строить систему категорий политэкономии социализма, т.е. какой элемент социалистического производства выделить в качестве исходного пункта наследования. Марксов метод решения этой проблемы состоит в том, что началом анализа любого способа производства (уклада) выступает его простейшее экономическое отношение, на одном полюсе которого находится труд непосредственного производителя, а на другом - характерная для данного производства форма совокупного труда. Так, исследование капиталистического способа производства начинается с анализа отношения двух частных товаропроизводителей, выраженного в товаре. Марксов подход не был понят и усвоен. Были высказаны около тридцати точек зрения по вопросу о начале системы политэкономии социализма, в том числе рассматриваемая нами.

В условиях крушения официальной советской экономической доктрины и идеологического брожения анализируемая теория, что называется, обретает «второе дыхание». Перед ее сторонниками, как отмечено выше, встала сверхзадача так истолковать (определить) термин «потребительная стоимость», чтобы конкретному (техническому) труду придать значение экономического труда, и посредством такого приема выйти на описание желаемых социалистических экономических отношений. С точки зрения Р.И.Косолапова и И.Б.Хлебникова, это понятие «может быть определено не иначе, чем через потребности человека», и потому политэкономия социализма «должна начинаться с полнокровного представления именно о них»¹³), потребностях. Человека побуждают к действию только те потребности, которые проходят через его голову, выражаются в идеальных побудительных мотивах. Без диалектико-материалистического объяснения самих человеческих потребностей невозможно отмежеваться от исторических идеалистов, выводящих общественную жизнь из тех или иных идей, представлений. «Ядром» всех человеческих потребностей наши методологи новой политэкономии объявляют потребность в труде. Все великие социалисты утверждение в жизни этой потребности связывали с будущим, коммунистическим обществом. В новой же теории, наоборот, из нее выводится социализм (коммунизм). Желая быть

историческими материалистами, Р.И.Косолапов и И.Б.Хлебников пытаются доказать, что данная потребность не только идеальна, она одновременно и материальна.

В обоснование ее материальности приводят аргумент: потребность в труде исторически развивается и «в ходе индивидуального становления человека закрепляется в его организме посредством формирования особых мозговых структур, срастаясь, таким образом, с физическим телом человека... она проявляется в человеческой жизнедеятельности с той же неотвратимостью и властностью, что и объективная реальность»¹⁴). Станным образом философы упускают из вида, что все идеальные, духовные принципы жизнедеятельности человека, в том числе религиозные представления, более того - все человеческие слабости и пороки, закрепляются в особых мозговых структурах человеческой головы, в этом смысле «срастаются с телом человека» и, следовательно, должны быть, с их точки зрения, признаны материальными. Таким образом стирается принципиальное различие между материальным и идеальным в человеческой деятельности. За пределами социологии и политэкономии остается принципиальное различие материальных (экономических) и идеологических (надстроечных) общественных отношений. Очевидно, без понимания онтологии и гносеологии диалектического материализма невозможно быть историческим материалистом.

Товарно-фетишистская парадигма мышления и «политэкономия потребительной стоимости». Предложенное Р.И.Косолаповым и И.Б.Хлебниковым обоснование новой политэкономии опирается на философскую традицию, давно сложившуюся в результате извращения диалектико-материалистического решения проблемы материального и идеального в марксовской теории товара. Как было отмечено выше, в познавательном акте приравнивания товаров в голове товаровладельца – образом стоимости становится образ натуральной формы товара-эквивалента. Социальное свойство товара представляется ему в форме вещи. Поэтому продукт труда в форме товара кажется чувственно-сверхчувственной, мистической вещью. Эту идеальную представленность производственного отношения в обыденном экономическом сознании товаропроизводителей Маркс обозначил понятием «форма стоимости». А человеческие представления, являющиеся общими и необходимыми в данных общественных условиях, он характеризует понятием объективного, - объективного в смысле независимости представления от воли и сознания самого субъекта. Таким образом, он впервые в истории общественной мысли с позиции материализма (диалектического!) открыл объективный аспект идеального и тем самым теоретически преодолел объективный идеализм. Этот аспект его философии и сегодня остается непонятым комментаторами «Капитала» и не востребуемым ими.

Употребляемое в марксовской теории товара понятие идеального невозможно понять и (объяснить) с позиции натуралистического материализма и поэтому просто игнорируется. Поскольку отношение стоимости и формы стоимости рассматривается как отношение содержания и формы, то форма стоимости видится материальной. У Маркса же это

отношение - отношение, прежде всего материального (стоимость) и идеального (форма стоимости), и только после этого - отношение содержания и формы. Объективное признание того факта, что К.Маркс форму стоимости считает идеальной, само по себе означает шаг к подлинному марксизму. И он был сделан, но с позиции непреодоленного натуралистического материализма. Поэтому идеальная форма стоимости представилась как нечто пребывающее в товарах-вещах и их отношениях, т.е. вне человеческой головы.

Ряд советских философов и экономистов, выступивших в 50-е годы против господствующего в СССР натуралистического материализма, начал интерпретировать эту видимость философскими средствами. Объясненное в «Капитале» фетишистское восприятие товара товаровладельцами (идеальная форма стоимости) было приписано самому Марксу, объявлено его великим вкладом в философию, оценено как непревзойденный образец материалистической диалектики. И, как полагается в таких случаях, распространено на все созданные человеком вещи, весь предметный мир человеческой культуры. Идеальное стало считаться не пребывающим не только в человеческой голове, но и в вещах и их отношениях. Принципиальное различие диалектическим материализмом материального и идеального (духовного) в человеческой деятельности так и не стало достоянием советской философии. И то и другое подводится под понятие объективной реальности, Натуралистическому извращению диалектического материализма была противопоставлена товарно-фетишистская парадигма мышления.

Наибольший вклад в разработку философской позиции, совсем по другому признаку получившей от натуралистически мыслящих философов название «гносеологизм», к сожалению, принадлежит выдающемуся советскому философу Э.В.Ильенкову, разработавшему фетишистскую концепцию идеального. Под влиянием его работ фетишистский подход к исследованию общества и человека из политэкономии и философии рядом ученых перенесен в психологию, физиологию, историю и другие науки. Через эту модель мышления ряд философов и ученых-естественников пошел от натурализма к объективному идеализму гегелевского типа.

Если натуралистический материализм игнорирует активную роль общественного и индивидуального сознания в человеческой деятельности и историческом процессе, то представители гносеологизма подчеркивают ее с помощью фетишистского приема. Марксизму навязывается товарно-фетишистская парадигма: все продукты труда, предметный мир культуры, деятельность человека и история общества представляются начиненными идеальным, существующим вне человеческой головы и являющимися неким особым элементом объективной реальности. Пример: «Исторический материализм призван отбросить невежественное неприятие в качестве объективной реальности также всей истории общественного сознания».15). Общественное сознание, в том числе сознание экономическое, по гносеологическому статусу уравнено с общественным бытием. Историческому материализму как науке кладется конец.

Определение понятия «потребительная стоимость». У Р.И.Косолапова и И.Б.Хлебникова оно представлено следующим движением мысли: ядром социальных потребностей человека является одновременно и идеальная, и материальная потребность в труде; процесс труда удовлетворяет эту потребность; следовательно, он есть потребительная стоимость. В формулировке авторов: «Как и продукт труда, труд-процесс обладает свойством потребительной стоимости». В этом определении ничего нового нет. Авторы молчаливо исходят из определения потребительной стоимости, данного в «Капитале», и подводят под него труд-процесс в том его случае, когда люди-творцы действительно испытывают потребность в труде и удовлетворяют ее в его процессе. Казалось бы, гора родила мыш, но мыш-то с двойной утробой: речь идет о конкретном труде, о труде в техническом смысле. Труд же в экономическом смысле, следовательно, производственные (экономические) отношения не становятся предметом исследования. Все последующие рассуждения о подчинении производства потребностям человека, о преимуществах строящейся на основе конкретного труда экономики и т.д. и т.п. - все это пересказ известных абстрактных черт идеала социально справедливого общества, субъективно отбираемых и таким же образом укладываемых в прокрустово ложе «хорошей стороны» социалистического способа производства.

3. Определения стоимости и «закон потребительной стоимости»

Определения стоимости и научная модель социалистического производства. Согласно учению К.Маркса, Ф.Энгельса и В.И.Ленина, социализм несовместим с товарным производством: пока существует последнее, нет социализма, в лучшем случае есть переходный период, - и наоборот. Для понимания подлинного смысла этого принципиального положения научного коммунизма необходимо аутентично истолковать марксову теорию товара и товарного производства - учесть гносеологический аспект предметов исследования: упразднение товарного производства при социализме включает в себя снятие с продуктов труда и производственных (экономических) отношений людей товарно-фетишистской оболочки.

Начнем со стоимости. Как отмечалось выше, К.Маркс различает «стоимость» и научную абстракцию, понятие стоимости. Содержание понятия составляют некоторые общие для всех форм производства признаки (черты, законы), которые специфически проявляются в товарном производстве. К.Маркс называет их определениями стоимости. Он пишет: «Мистический характер товара порождается... не потребительной его стоимостью. Столь же мало порождается он содержанием определений стоимости. Потому что, во-первых, как бы различны ни были отдельные виды полезного труда... с физиологической стороны это - функции человеческого организма, и каждая такая функция... есть затрата человеческого мозга, нервов, мускулов, органов чувств и т.д. Во-вторых, то, что лежит в основе определения величины стоимости, а именно, продолжительность таких затрат, количество труда совершенно отчетливо отличается от количества труда. Во всяком обществе то рабочее время, которого стоит производство жизненных средств, должно было интересоваться людей». В-третьих, труд всегда получает общественную форму.17).

Мистический, загадочный характер продукта труда, как только он становится товаром, возникает из самой товарной формы. То есть из гносеологического механизма акта приравнивания товаров друг другу, совершающегося в голове частного товаропроизводителя.18). Как экономическая реальность и представление, выражающее специфику товарного производства, «стоимость» с переходом к социализму исчезает за ненадобностью, оказывается лишней. А определения стоимости, т.е. теоретическое выражение общих для всех форм производства признаков (законов), освобождаются от фетишистского покрова (особенного) и начинают играть роль механизма планомерного развития производства.

Разъясняя марксову и свою позицию по этому вопросу, Ф.Энгельс отмечал, что взвешивание и сопоставление полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и с необходимыми для их производства количествами труда, измеряемого общественно необходимым рабочим временем, люди коммунистического общества будут осуществлять непосредственно, рациональными методами, не прибегая к услугам прославленной «стоимости». Научное обоснование этого положения стало возможным лишь благодаря «Капиталу» К.Маркса.19).

Приведем вытекающий из научного анализа капиталистического способа производства и производства как такового прогноз Маркса о роли определений стоимости при социализме: «По уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства определение стоимости остается господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было».20). А вот осторожный прогноз К.Маркса о значении определений стоимости для социалистического производства и распределения: «Лишь для того, чтобы провести параллель с товарным производством, мы предположим, что доля каждого производителя в жизненных средствах определяется его рабочим временем. При этом условии рабочее время играло бы двоякую роль. Его общественно-планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями. С другой стороны, рабочее время служит вместе с тем мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а следовательно, и в индивидуально потребляемой части всего продукта. Общественные отношения людей к их труду и продуктам их труда остаются здесь прозрачно ясными как в производстве, так и в распределении».21).

Соответствующий этим прогнозам практический опыт нарабатывался в СССР. Его исследовали отдельные ученые и хозяйственники, под давлением практики и здравого смысла поднимающиеся до понимания истинного содержания марксовской политической экономии. Можно сказать, начался процесс переосмысления понятия «стоимость» применительно к новым экономическим условиям, непосредственного использования определений стоимости в производстве и распределении. Но их теоретические и

практические открытия, как и вся теория К.Маркса, оказались не ко времени, остались невостребованными. С превеликим трудом эти идеи пробиваются и сегодня.

«Реальный социализм» и товарное производство в СССР. В послеленинский период руководство партии и государства, будучи далеким от теоретических глубин марксовской философии и политэкономии, оказалось неспособным руководствоваться научным коммунизмом. Открывшиеся возможности преодоления отчуждения трудящихся от средств производства и экономической власти и, соответственно, снятия с производства товарно-фетишистского покрывала оказались несовместимыми с авторитарными методами строительства социализма и управления производством. Удобным средством блокирования демократического полюса социалистической экономики стало товарное производство, сохранение наемного труда. Положение классиков о конце товарного производства при социализме было объявлено ошибочным. Отступление от научной теории и практики ее реализации было освящено авторитетом И.В.Сталина. В работе «Экономические проблемы социализма в СССР» он писал: «Иногда спрашивают: существует ли и действует ли у нас, при нашем социалистическом строе, закон стоимости? Да, существует и действует. Там, где есть товары и товарное производство, не может не быть и закон стоимости. Сфера действия закона стоимости распространяется у нас прежде всего на товарное обращение... Здесь, в этой области, закон стоимости сохраняет за собой, конечно, в известных пределах роль регулятора. Но действия закона стоимости... распространяются также на производство. Правда, закон стоимости не имеет регулирующего значения в нашем социалистическом производстве»²²).

Руководитель партии и государства проявил поразительное непонимание марксовской политической экономии, законов превращения капитализма в социализм. Сталинский «социалистический строй», советский «реальный социализм» с товарным производством и его законом стоимости оказался тупиковым зигзагом в естественно-историческом процессе перехода от капитализма к социализму - государственно-бюрократическим социализмом. Сегодня уже многим стало ясно, что антинаучное «скрещивание» социализма с товарным производством и, следовательно, научного коммунизма с буржуазной идеологией, осуществленное сталинским руководством и являющееся существенной частью советского «марксизма-ленинизма», явилось началом поражения социалистического строительства в СССР. Но исправлять теоретические и практические ошибки в деле строительства социализма следует по К.Марксу, Ф.Энгельсу, В.И.Ленину.

«Закон потребительной стоимости» против определений стоимости. Рассматриваемая нами теория направлена против положения о совместимости социализма с товарным производством и, следовательно, против допущения регулирующей роли закона стоимости в социалистической экономике. Но вместе со «стоимостью» отвергаются определения стоимости. В качестве регулятора производства предлагается «закон потребительной стоимости». С этим «законом» несовместимо признание регулирующей роли рабочего времени в производстве.

По этому вопросу К.Маркс писал: «Никакая форма общества не может помешать тому, чтобы рабочее время, имеющееся в распоряжении общества, тем или иным путем регулировало производство»; при капитализме «это регулирование осуществляется не путем прямого сознательного контроля общества над своим рабочим временем - что возможно лишь при общественной собственности, - а благодаря движению товарных цен».23). И еще: «Рабочее время, даже когда меновая стоимость («стоимость» -В.Д.) будет устранена, всегда останется созидающей субстанцией богатства и мерой издержек, требующихся для его производства. Но свободное время... есть само богатство».24). По Марксу, при социализме, как и в любом другом обществе, рабочее время специфически, особым образом регулирует производство, и труд характеризуется в двух отношениях – в техническом и экономическом. «Политическая экономия потребительной стоимости» выбрасывает этот объективный регулятор общественного производства, который только и позволяет трудящимся осуществлять контроль и учет производства.

Уже домарксовские экономисты рабочее время соотносили со свободным временем. Эта проблема в «Капитале» решается так: при социализме рабочее время есть «базис для свободного времени»25); «Истинное царство свободы... может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего времени – основное условие.26). Понятие свободного времени имеет смысл только как противоположность рабочего времени. В противоположность классической политэкономии в качестве регулятора общественного производства выдвигается свободное время. Предлагаемая политэкономия уподобляется тому солдату, который исчисляет срок службы количеством невыпитых компотов, не зная при этом количества выпитых.

«Закон потребительной стоимости» выводится и определяется по логической схеме теории роста производительности труда. Понятие производительности труда выражает эффективность конкретного труда. Но его определение необходимо включает в себя - по принципу диалектического противоречия - оба вида труда: конкретный и общественно необходимый, следовательно, понятие рабочего времени. Повышение производительности труда, или эффективности конкретного труда, означает экономию живого и овеществленного труда, т.е. снижение общественно необходимого рабочего времени на производство единицы продукта или, говоря товарным языком, снижение ее стоимости. Это общее определение производительности труда творцы новой политэкономии конкретизируют применительно к техническим средствам: труд, высвобожденный при использовании данного технического средства, превышает трудовые затраты на создание последнего. В целом проделывается следующая логическая процедура: 1) признак общественно необходимого труда, как труда бескачественного, как усредненной затраты труда в физиологическом смысле, молчаливо приписывается труду конкретному; 2) берется количество труда, заключающегося в единице продукта до повышения производительности труда (пример: затраты труда на создание технического средства); 3) фиксируется доля труда, на которую уменьшилось количество труда, воплощенного в таком же продукте после увеличения производительности труда (в их терминах: труд, высвобожденный при использовании

данного технического средства); 4) разница между ними, или величина сэкономленного (высвобожденного) труда, обозначается понятием потребительной стоимости, а отношение между 3) и 2) объявляется законом потребительной стоимости.

Приведем, пожалуй, наиболее авторитетное определение «закона», в котором реализована вышеописанная логическая операция: в качестве основного экономического закона социалистического производства выступает закон потребительной стоимости, который «в его общем виде выражает экономическую связь между трудом, высвобожденным в результате реализации затрат конкретного труда в полезных свойствах продукта, и трудом, затраченным на производство этого продукта. Полезные свойства продукта, его потребительная стоимость в данном случае заключается в совокупной величине замещенного, сэкономленного труда». 27).

В дополнение к вышеразвитой общей характеристике логической процедуры выведения «закона» присовокупим следующее. Социологи и политико-экономы не умеют различать стоимость и потребительную стоимость продукта труда. Стоимость есть услуга, оказанная человеческим трудом продукту, а потребительная стоимость – услуга, оказываемая людям его полезными свойствами. При его производстве затрачивается не конкретный, а общественно необходимый труд, т.е. в конечном счете человеческая энергия. Поэтому труд, «высвобожденный в результате реализации затрат конкретного труда в полезных свойствах продукта», и труд, «затраченный на производство этого продукта», есть общественно необходимый труд, труд абстрактный. Изгнанные через парадную дверь - путем абстрагирования от стоимости и абстрактного труда – общественно необходимые труд и рабочее время через замочную скважину (приписывание их регулирующей роли конкретному труду) вводятся в определение «закона потребительной стоимости». Но даже этот прием не может помочь авторам ввести в политэкономии социализма экономические отношения производителей. Связь индивидуального труда с совокупным трудом производителей утрачивается.

В чем же усматривается регулирующая роль «закона» в производстве? Профессор А.В.Золотов объясняет: «Затраты труда сохраняют свою регулирующую роль, однако они перестают отождествляться с результатами, как это имеет место в производстве, базирующемся на законе стоимости»²⁸). То есть регулирующая роль затрат сохраняется, но затрат не общественно необходимого труда, а якобы конкретного труда, что, мол, позволяет регулировать производство потребительных стоимостей, богатства, мерой которого является свободное время. Объективный же смысл этого алогичного высказывания таков: так как при социализме воплощенный в продуктах общественно необходимый труд перестает восприниматься производителями в вещной форме, в «форме стоимости», а ученые, не умеющие понять различие между «стоимостью» и определениями стоимости, вместе с отжившей товарно-фетишистской оболочкой продуктов труда и экономических отношений выбросили всеобщий закон регулирования производства рабочим временем, - то ученым, этим ничего больше не остается, как вести

схоластические рассуждения о потребительной стоимости, конкретном труде, общественном богатстве, высвобожденном труде, свободном времени и т.д. и т.п.

На столь зыбкой теоретической - философской и политико-экономической - основе невозможно создать научную модель социалистического производства.

Творцы политэкономии социализма на распутье. Главный предмет их споров: как на практике соотнести товарное производство, на котором зиждется капитализм, с производством социалистическим. Проблему эту теоретически решил Маркс. В первой фазе коммунизма «господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей. Содержание и форма здесь изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому что, с другой стороны, в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления. Но что касается распределения последних между отдельными производителями, то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой». 29).

Данное положение - прямой вывод из всего содержания «Капитала»: при социализме товарное производство и, следовательно, обмен товарами упраздняется, но обмен трудом (продуктами труда) как таковой остается; продолжает господствовать принцип эквивалентности обмена равными количествами общественно необходимого труда, но содержание и форма обмена изменились: в новых социально-экономических условиях исключается возможность присвоения чужого труда; в области индивидуального потребления господствует тот же принцип эквивалентности обмена: каждый работник доставляет обществу известное количество труда в одной форме и получает то же количество труда в другой.

«Тайна», или трудность, стоящей перед социалистами проблемы заключается в научном объяснении и практической реализации изменения «содержания и формы» эквивалентного обмена трудом в процессе социалистического производства и распределения. Именно этот важнейший для понимания перехода от капитализма к социализму пункт экономической теории К.Маркса до сих пор остается не востребованным в полной мере. После В.И.Ленина теоретики и вожди коммунистических и социалистических движений оказались на распутье. В этих движениях, с одной стороны, господствуют представления о совместимости социализма с товарным производством, с законом стоимости, о «рыночном социализме», «социалистическом рынке» и т.д. Так осмысливается историческая необходимость социалистического принципа эквивалентности обмена трудом. Логическое следствие реализации этого представления - поражение социалистических сил в России и других странах. Кстати, сумеют ли китайские коммунисты-прагматики, опирающиеся на здравый смысл в строительстве «рыночного социализма», на практике обеспечить постепенное превращение товарного производства в нетоварное, социалистическое, осуществить

изменение содержания и формы обмена трудом, создать условия для реализации принципа распределения по труду, - покажет будущее.

С другой стороны, в коммунистическом движении широко распространено представление, согласно которому обязательное упразднение товарного производства, закона стоимости и «стоимости» при социализме якобы означает устранение определений стоимости, то есть регулирующей роли общественно необходимого труда и рабочего времени в производстве. Оно служит идеологическому обоснованию практически доказавшей свою историческую несостоятельность государственно-бюрократической модели социализма в ее чистом, «нетоварном» виде. Одной из его разновидностей является «политическая экономия потребительной стоимости». Ее творцы в своем развитии движутся не к Марксу, а от Маркса к одному из вариантов утопического социализма.

Пора, давно пора ученым, считающим себя коммунистами и марксистами, понять, что идти дальше К.Маркса, Ф.Энгельса и В.И.Ленина в теории и практическом движении социализма можно только через овладение их идейно-теоретическим наследием, их методологией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Косолапов Р., Хлебников И. Обращение к разуму. Человеческий манифест. Палея. Москва. 1993, с. 20.
2. Там же, с. 20.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 44.
4. Косолапов Р., Хлебников И.. Там же, с. 21.
5. Там же, с. 22.
6. Там же, с. 21.
7. Там же, с. 21.
8. Там же, с. 21.
9. Там же, с. 20.
10. Там же, с. 21.
11. См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 50.
12. Там же, т. 21, с. 243.
13. Косолапов Р., Хлебников И.. Там же, с. 22.
14. Там же, с. 24.
15. Там же, с. 41.
16. Там же, с. 24.
17. См.: Маркс К. и Энгельс Ф.. Соч., т. 23, с. 81.
18. См.: там же, с. 81-82
19. См.: Там же, т. 20, с. 321.
20. Там же, т. 25, П, с. 421.

21. Там же, т. 23, с. 89.
  22. Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. Политиздат. 1952, с. 19-20.
  23. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 9.
  24. Там же, т. 26, Ш, с. 265.
  25. Там же, т. 26, Ш, с. 266.
  26. Там же, т. 25, П, с. 387.
  27. Долгов В.Г., Ельмеев В.Е., Попов М.В. Выбор нового курса. М. Мысль. 1991, с. 85-86.
  28. Золотов А.В. Самоуправление непосредственных производителей: социально-экономические и организационные аспекты. Нижний Новгород. 1996, с. 56.
  29. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 18-19.
-

Перепечатано с сайта <http://marxkr.narod.ru/6.htm>

На нашем сайте эта работа будет очень уместна, так как наши теоретические позиции совпадают с положением марксизма о внетоварных отношениях при социализме, как объективном свойстве базиса экономического развития и производственных отношений после перехода их в фазу или период диктатуры пролетариата.

Редактор виртуального издания А.В.Федотов